А. С. ДЕМИН

Челобитные Аввакума и одна из неисследованных традиций деловой письменности XVII в.

Нет никаких сомнений, насколько велико было влияние так называемой деловой письменности на литературное творчество протопопа Аввакума. У этого крупнейшего писателя Древней Руси нет, пожалуй, ни одного произведения, так или иначе не связанного с традициями деловой письменности. Многообразие этих менявшихся традиций и их связей с литературой мы знаем еще очень плохо. Поэтому неудивительно, что большая тема — Аввакум и деловая письменность — до сих пор остается почти совершенно не изученной.

В данной статье речь пойдет лишь об одной традиции деловой письменности XVII в., использованной Аввакумом. Интереснейший материал для наблюдений содержится в его первой челобитной царю Алексею Михайловичу.

Первую челобитную, которая дошла до нас в автографе автора, протопоп Аввакум написал, как известно, весной 1664 г., вернувшись в Москву из сибирской ссылки. Патриарх Никон к этому времени уже отказался от патриаршества, и протопоп в челобитной пытался убедить царя отменить никоновские реформы. Кроме того, Аввакум ввел в челобитную большой рассказ о своих мучениях за веру, которые он терпел в течение двадцати лет от бывшего патриарха Никона, а в сибирской ссылке — от бесчеловечного воеводы Пашкова.

К первой челобитной приложен другой документ Аввакума, написанный его же рукой, — записка о мучениях и надругательствах Пашкова над другими людьми, кроме ссыльного протопопа. Если последовательно проследить, что говорится о Пашкове в челобитной и записке, то создается впечатление, словно о Пашкове рассказывает не один Аввакум, а несколько разных авторов, каждый со своей точки зрения. Разберем подробнее это явление и его истоки.

В челобитной Аввакум повествует царю о своих муках, «обливаяся многими слезами»;[1] восклицания, эмоциональные эпитеты, уменьшительные существительные, повторы и прочий арсенал средств, выражающий взволнованность и возмущение челобитчика, употребляется почти непрерывно. «Увы, души моей бедной!.. во одиннатцеть лет на хрепте моем делаша язв безаконнии за имя Христово... на пути постигоша мя вся злая. По лицу грешному воевода бил своими руками... везено с собою в запас хлепца, и тот хлеб он, Афонасей, у меня отнял... У меня же,

[1] Памятники истории старообрядчества XVII в., вып. 1. — РИБ, т. 39, Л., 1927, стлб. 725. Далее столбцы указываются в скобках.